

*Л. В. Алексеева***ВТОРОЙ ЭТАП КРЕСТЬЯНСКОЙ ССЫЛКИ
НА СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1931 Г.):
МАЛОИЗУЧЕННЫЕ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ**

В процессе осуществления насильственных переселений крестьян и членов их семей на Север Западной Сибири в связи с массовым раскулачиванием в СССР в нач. 1930-х гг. некоторые исследователи выделяют три этапа. В опубликованных по данной теме работах содержатся зачастую противоречивые и неполные данные, касающиеся как хронологических рамок этих этапов, так и численности крестьян, отправленных на Север. Данная статья является продолжением исследования автором этой темы, связана с уточнением этапов «кулацкой» ссылки и численности отправленных на Север (на территорию современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) крестьян в 1930–1932 гг. Если в исследовании начала ссылки (а это переселенческий процесс 1930 г., происходивший в два приема: зимой (февраль-март) и летом в навигационный период) мы располагаем новыми данными, то в изучении второго этапа ссылки, который пришелся на 1931-й год, много не выясненного.

В статье рассмотрены малоизученные и дискуссионные вопросы, связанные со вторым этапом крестьянской ссылки в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа (планы переселения; количество отправленных в ссылку; транспортировка и размещение; фактическое наличие спецпереселенческого контингента, его доля в численности населения национальных округов к концу 1931 г.). Кроме того, в статье приведены обнаруженные автором сведения о количестве ссыльных первого этапа. Это позволило уточнить суммарную численность отправленных на Север Западной Сибири в 1930–1931 гг. крестьян. В статье впервые представлены новые данные по численности крестьян второго этапа ссылки. Автор конкретизирует время отправки, вид транспортировки, для каких организаций предназначались (как трудовая сила), и уточняет географию расположения спецпереселенцев, высланных в 1931 г.

Ключевые слова: Уральская область, Север Западной Сибири, национальные округа, ссылка, этап, крестьяне, «кулаки», спецпереселенцы, численность, транспортировка.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-304-315

Введение

Уральская область была образована в конце 1923 г. и просуществовала до 1933 г. В нее вошли промышленные и сельскохозяйственные районы, занимающие огромную территорию, а также Север Западной Сибири¹. Этот край должен был обеспечить поставки рыбы, а также пушнины и леса (валютного товара в условиях индустриализации в СССР). В период раскулачивания и переселения крестьян этот регион стал местом ссылки. Необходимо учитывать условия, которые сложились на Урале, и причины того, что именно Уральская область стала глав-

¹ Тогда его называли Тобольский Север.

ным районом СССР, где размещались выселенные со всей страны крестьяне. В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) Урал – центр промышленного строительства². Четверть бюджета страны расходовалась на обеспечение индустриального развития этого региона. Нехватка трудовых ресурсов грозила срывом грандиозных планов социалистического строительства. Спецконтингент должен был компенсировать этот недостаток.

В течение 1931 г. в Уральскую область было переселено 95 544 семьи (438 908 человек) [Политбюро ... 2006, 313]. С 1931 г. Урал стал основным местом концентрации спецпереселенцев. Этот факт отмечали многие исследователи, в том числе И. Е. Плотников [Плотников 1995, 160], однако численность переселенцев, оказавшихся в национальных округах – Ямало-Ненецком и Остяко-Вогульском – не была выяснена.

Материалы и методы

В изучении темы ссылки крестьян на Север Западной Сибири можно выделить два этапа. Первый этап: вт. пол. 1980-х гг. – нач. 1990-х гг., когда к теме спецпереселенцев Севера Западной Сибири впервые обратился Ю. П. Прибыльский [Прибыльский 1988].

Второй этап в исследовании темы, начавшийся в 1992 г., продолжается до настоящего времени. По материалам Уральской области в 1990-х гг. появились работы курганских ученых И. Е. Плотникова и А. А. Базарова [Плотников 1995, 160–179; Базаров 1997, 3–413]. Были опубликованы и статьи, в которых на материалах национальных округов Северо-Западной Сибири рассматривались сюжеты, посвященные спецпереселенцам [Иваненко 1993, 18–21; Кондрашова 1994, 36–40; Загороднюк 1996, 34–35], а также защищена кандидатская диссертация [Загороднюк 1999, 3–21]. В 2000-х гг. продолжали разрабатывать тему крестьянской ссылки региональные историки [Алексеева 2003, 3–385; Загороднюк 2005, 22–26; Мошкин 2008, 3–189]. Для второго десятилетия XXI в. характерно обращение к указанной теме с целью уточнения имеющихся научных данных, восполнения недостающих сведений, расширения и углубления контента [Алексеева 2011, 248–254; 2020, 238–252; Михалев 2011, 275–282; Скипина, Чекрыгина 2015, 33–37; Харина 2018, 157–164].

Не обошли вниманием тему спецпереселенцев в СССР и зарубежные ученые [Conquest 1987, 5–430; Graziosi 1996, 65–85; Fitzpatrick 1996, 3–386; Viola 2009, 3–320]. Так, Ш. Фицпатрик назвала ссылку самым страшным и тернистым путем для крестьян, вынужденных покинуть деревню [Фицпатрик 2001, 97]. Рассматривает «исход» крестьян из деревни и Л. Виола, называя в числе мест ссылки Урал [Виола 2010, 99]. А. Грациози заметил, что благодаря работе с архивами, усилиям по толкованию источников историкам удалось «создать убедительную картину событий 1927–1933 гг.» [Грациози 2011, 12], но этого нельзя сказать о Севере Западной Сибири.

Источниковая база исследования сформирована за счет опубликованных документов [Раскулаченные спецпереселенцы ... 1993; Политбюро ... 2005–2006] и источников, заимствованных из государственных архивов России (Центр документации общественных организаций Свердловской области, Государственный архив Свердловской области, Государственный архив социально-политической истории Тюменской области и др.).

Методы, используемые в работе: хронологический, структурный, аналитико-синтетический, историко-сравнительный, математический. Их применение позволило выявить и систематизировать имеющийся фактический материал, пересмотреть ряд выводов и оценок. Основополагающим подходом в исследовании стал системный, рассматривающий насильственное переселение в контексте всего комплекса событий, явлений, процессов исторической реальности Уральской области и за ее пределами, где происходили вынужденные миграционные процессы [Ивахнюк 2015, 37].

² Здесь развернулось возведение промышленных гигантов, в числе которых был «завод заводов» – Уралмаш.

Планы по переселению

Планы по новому этапу выселения крестьян прослеживаются с марта 1931 г. В постановлении президиума Уралоблисполкома от 8 марта 1931 г. сообщалось о необходимости дополнительного выселения кулаков третьей категории из районов Уральской области, использовать которых предполагалось, прежде всего, на лесозаготовках и строительстве [Раскулаченные ... 1993, 37]. В шифротелеграмме секретаря Уральского областного комитета партии (далее – Уралобком ВКП (б)) И. Д. Кабакова И. В. Сталину от 19 апреля 1931 г. отражен вопрос о привлечении дополнительной рабочей силы на лесозаготовки в 1931 г.³ В телеграмме говорится: «Просим перебросить кулаков на Урал из других областей, тысяч 50–60, с тем, чтобы можно было в течение июня и июля их расселить и обустроить в неосвоенных районах» [Политбюро ... 2005, 299–300]. Просьба была удовлетворена. На Урал планировалось отправить 50 тыс. человек. Кроме этого предусматривалось не позднее 20 мая 1931 г. внутреннее переселение 12 тыс. «кулацких» семейств (в пределах Уральской области). Это зафиксировано в справке «О количестве кулацких семей, подлежащих выселению в 1931 г.», подготовленной для комиссии А. А. Андреева ОГПУ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 52, 54]. Эту плановую цифру можно объяснить. В 1930 г. на Урале было раскулачено 25,6 тыс. крестьянских хозяйств. Из них выселили 13,9 тыс. хозяйств [Филатов 2010, 131]. Оставшиеся и были намечены к выселению в 1931 г. Подверглось высылке 60 тыс. уральских «кулаков» [Политбюро ... 2006, 313]. В статье выясняется, какое количество из указанных выше крестьян попало на Север Западной Сибири.

Численность отправленных на Север спецпереселенцев в 1931 г.

Переселение «кулаков» в 1931 г. в партийных документах обозначено как «новый подъем». Количество крестьян, отправленных в ссылку в Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий округа – вопрос дискуссионный. А. А. Базаров указывал, что в 1931 г. сослали больше, но статистических данных по региону не привел [Базаров 1997, 344–357]. Не представила точных сведений и Н. И. Загороднюк – специалист по теме. Выявление числа отправленных на Север в 1931 г. возможно методом сопоставления и прямого подсчета имеющихся в нашем распоряжении данных. Так, список о передаче «кулаков» на 26 апреля 1931 г. содержит следующие сведения по региону в районном измерении (указано количество семейств): Обдорский – 645, Сургутский – 1 685, Кондинский – 738, Самаровский – 1 347, Березовский – 1 491. [Подсчитано по: Раскулаченные ... 1993, 144]. В рыбном хозяйстве региона к этому времени оказалось 2 897 семей (приблизительно 14 485 человек), а в лесном – 2 991 семья (14 955 человек). Следовательно, арифметический подход в этом деле был очевиден: распределили примерно поровну между ключевыми отраслями. Таким образом, комендантским управлением Уральской области было передано на Север 29 440 человек. Однако в данном документе не указано, что это ссылка 1931 г.! Речь идет об общей численности переданных спецпереселенцев на указанную дату (т.е. количественные данные по ссылке 1930 г., т.к. в первой половине 1931 г. новые спецпереселенцы не прибывали, как установлено по документам).

В. В. Мошкин представил таблицу, в которой отмечены этапы ссылки и количество ссыльных, учтенных в Остяко-Вогульском округе в 1930–1933 г. [Мошкин 2008, 53]. В таблице не содержится данных о количестве отправленных спецпереселенцев на каждом из них, а приводятся сведения об учтенных ссыльных в этом округе в указанные годы (в соответствии с выделенными этапами): 1930, 1931 и 1932–1933. В дальнейшем неправильное прочтение данных таблицы привело к ошибке в интерпретации численности спецпереселенцев второго и третьего этапов ссылки. Ошибка стала тиражироваться [Система ...; Крестьянская ...; История ...; Закирова 2015, 54].

³ План для области по сравнению с предыдущим годом был увеличен почти в два раза и составил 75–80 млн. кубометров. Для его выполнения нужна была дополнительная рабочая сила.

Итак, половина спецпереселенческого контингента была приписана к Рыбтресту. Уральский рыбный трест входил в союзный трест «Союзрыба». Из-за нехватки продуктов питания в Уральской области⁴ большое значение придавалось рыболовству. Л. И. Мирзоян на совещании по вопросу рыбозаготовок и организации лова в 1931 г. говорил: «Те трудности, которые мы имеем в области мяса, особое значение придают рыбе и выдвигают рыбу в деле рабочего снабжения почти на 1-е место» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 51. Л. 1]. Н. А. Михалев установил, что в июне 1931 г. заместитель управляющего Рыбтреста дал распоряжение о принятии на Тобольском Севере 200 семей (996 человек) из Азово-Черноморского района. Распределили по 100 семей в каждый национальный округ. В Ямальском округе 16 семей отправили в Заполярье, в бассейн реки Таз [Михалев 2011, 278], богатой рыбами сиговых пород.

Далее, в записке Г. Я. Раппопорта⁵ от 22 июля 1931 г. находим сообщение о том, что Уральский обком ВКП (б) настаивает на приеме и размещении на Тобольском Севере 700 семей из Нижне-Волжского края (в т.ч. из районов Астрахани) [Политбюро ... 2005, 795]. В конце июля 1931 г. вопрос о переселении на Север еще находился в стадии обсуждения. 29 июля 1931 г. А. М. Лежава – председатель правления «Союзрыба» и заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода в письме в Совет труда и обороны сообщали, что переселяются 700 семейств. Они просили часть финансовых средств перераспределить на Тобольский Север для развертывания рыбных промыслов. Подчеркивалось, что эта партия спецпереселенцев на Север отправлялась по наряду из Москвы [Политбюро ... 2005, 790–795]⁶. Затем эта плановая цифра была увеличена.

В Постановлении Политбюро от 5 августа 1931 г. отражено решение по данному вопросу: «Удовлетворить заявку «Союзрыбы» на 750 рыбацких семейств для Тобольского Севера, на рыбные промыслы, возложив персонально на т. Лежаву ответственность за всю подготовку по приему и устройству этих спецпереселенцев» [Политбюро ... 2005, 345]. Следовательно, мы имеем точные данные о завозе «кулаков» для Рыбтреста в 1931 г. (200 и 750 семейств)⁷. Осушественные подсчеты позволяют утверждать, что летом 1931 г. завезено не более 5 тыс. спецпереселенцев, предназначенных для рыбной промышленности⁸.

В это же время, из-за высокой смертности и заболеваний спецпереселенцев в Ямальском округе, 200 семей, доведенных до критического состояния цингой, в июне 1931 г. отправили в Тобольск [Михалев 2011, 281]. Из отчета Ямальского окрздравотдела следует, что в 1931 г. было выявлено 1 200 случаев цинги (70% – у спецпереселенцев) [ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 36. Л. 42].

Кроме спецпереселенцев, направленных в Рыбтрест, на Север в 1931 г. попали спецпереселенцы, предназначенные для работы на лесозаготовках и в сельском хозяйстве (и в меньшей степени – для других организаций). Докладная записка ПП ОГПУ по Уралу «Об итогах выселения кулацких хозяйств по Уралу за 1931 год» по состоянию на 15 августа 1931 г. подтверждает наши выводы. Согласно приведенным в ней данным, в леспромхоз было направлено 3 485 человек, а в прочие организации (к которым относилось и сельское хозяйство) – 3 362 человека [Политбюро ... 2006, 405–410]. Это были уральские крестьяне (6 847 человек).

Одним из районов для поселения в 1931 г. был определен Кондинский (Остяко-Вогульский округ). На 26 июня в районе была учтена 351 семья (1 586 человек) спецпереселенцев (те, что высланы в 1930 г.). В акте от 29 июня 1931 г. уполномоченного ПП ОГПУ по Уралу Никитина сообщалось, что в районе еще числится 387 семей (1 780 человек), «но точному учету не подда-

⁴ В связи с раскулачиванием сельскохозяйственное производство на Урале сократилось в 2-3 раза, а население увеличилось и продолжало прибывать за счет мигрантов. Урал оказался на пороге голода, избежать которого не удалось.

⁵ Полномочный представитель (ПП) ОГПУ по УРАЛУ.

⁶ [Политбюро 2005, 790].

⁷ Выявленные данные (750 и 200 семей) совпадают с теми, что приводились автором ранее. «В 1931 г. в трест прибыло 950 семей раскулаченных промысловиков» [Алексеева 2003, 199].

⁸ Подчеркнем, что речь шла о высланных промысловиках (т.е. о семьях рыбаков, которых целенаправленно планировали привлечь на рыбопромыслы в регионе).

ются. И где таковые находятся, в райкомендатуре неизвестно. Сколько скрылось, неизвестно»⁹ [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л.22]. В Кондинском районе намечалось поселить 160 семей (примерно 800 человек) до конца июля [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л.16]. Начальник Кондинского комендантского отдела Васильев в докладной записке сообщал, что в Нахрачах (центр Кондинского района) на 12 августа насчитывалось 508 семей спецпереселенцев (2 269 человек). Он имел в виду общее число «кулаков» в районе (при этом не сообщалось, когда они были завезены)¹⁰. Было указано, что не довезли 230 семей (т.е. около 1 тыс. человек) [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 8–8об.]. Эти спецпереселенцы должны были обеспечить заготовку леса (на Кондинском лесозаготовительном участке)¹¹. Ранее на заготовку леса были отправлены ссыльные спецпереселенцы 1930 г., размещенные в Березовском, Самаровском, Сургутском районах (Остяко-Вогульский округ) и Обдорском районе (Ямало-Ненецкий округ). В связи с получением увеличенного вдвое лесозаготовительного плана на 1931 г., была проведена реорганизация Тобольского Леспромхоза – открыли производственные участки на Севере. Была поставлена задача обеспечить экспортные поставки древесины [КУ «ГАЮ». Ф. 58. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. К осени 1931 г. сформировано 17 производственных участков в пяти Учлесхозах (четыре в Югре и один на Ямале) [КУ «ГАЮ». Ф. 58. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42 об.].

Итак, спецпереселенцы 1931 г. предназначались для работы не только в рыбном хозяйстве (Уралгосрыбтрест), на заготовке леса (Ураллес), но и для сельхозколонизации. В Уральской области не хватало продуктов для работающего населения, и ссылка в тех условиях не могла быть обеспечена продуктами (ссыльные голодали, болели и умирали). В марте 1931 г. было принято решение о самообеспечении спецпоселений продуктами. Назрела необходимость развития сельского хозяйства в регионе. По данным Уралоблисполкома, докладывавшего в Наркомзем Тимофееву 19 августа 1931 г., намечалось выслать в Кондинский район 3 144 человека, 738 семейств для сельхозколонизации [ГАСО. Ф. Р–339. Оп. 3. Д. 45. Л. 1]. Прямые подсчеты позволяют установить, что летом 1931 г. завезли в регион (преимущественно в Остяко-Вогульский округ) 11 847 человек.

Транспортировка и размещение

Малоизученными являются вопросы о временных рамках второго этапа крестьянской ссылки 1930-х гг., о способах транспортировки и географии размещения. В постановлении бюро Уралобкома ВКП (б) от 4 августа 1931 г. «О хозяйственном использовании спецпереселенцев» (постановления «Особой папки») сообщалось, что в 1931 г. спецпереселенцев завозили в северные районы области в мае, июне и июле [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 51. Л. 43].

Действительно, после трудностей зимнего переселения 1930 г. доставка зимой «кулаков» на Север больше не практиковалась. Навигация на Оби открывалась в середине мая. В протоколе заседания комиссии А. А. Андреева от 8 мая 1931 г. отражено указание Народному комиссариату водного транспорта СССР по перевозке кулацких семейств [Политбюро ... 2005, 300–301]. Но, как мы выяснили, переписка между ведомствами о выделении для рыбной отрасли Севера 750 семей «кулаков» шла до начала августа, когда было принято окончательное решение. Транспортировка на Север, как следует из постановления Политбюро от 5 августа 1931 г., могла состояться и в августе [Политбюро... 2005, 345], что подтверждается документами регионального уровня.

Как удалось выяснить, доставлял «кулаков» в Остяко-Вогульский округ старенький грузовой пароход «Чулым», тянувший баржу со спецпереселенцами. По сообщению Васильева,

⁹ Бежали чаще всего малосемейные. Выходили на Тавдинский, Туринский, Ялымский (к Надеждинску) тракты (по данным акта уполномоченного ПП ОГПУ по Уралу от 29 июня 1931 г. Никитина, которым была проведена проверка по подготовительным работам к приему «нового подъема»).

¹⁰ В Государственном архиве ХМАО-Югры нами обнаружены поименные списки спецпереселенцев Кондинского районного отдела НКВД (840 человек – на начало 1931 г., т.е. это спецпереселенцы 1930 г.) [КУ «ГАЮ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-35].

¹¹ Лес должен был соответствовать блоковому качеству (требовалось соблюдение соответствующих технических условий), т.к. он шел на экспорт.

к 15 августа в с. Леуши¹² Кондинского района привезли баржей 141 семью (около 700 человек) [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 8–8об.]. По берегам Леушинских озер уже существовали поселки, основанные спецпереселенцами в 1930 г.: Ягодный, Лиственничный, Дальний. От Леушей на лодках к 25 августа перевезли 100 семей через большое озеро Леушинский Туман. На правом берегу этого озера основали новые спецпоселения: Мало-Новый, Сумпанинский, Совлинский. Можно подсчитать, что общее число семей, доставленных летом 1931 г. в Кондинский район, составило 371 (около 1 500 человек). Другим рейсом с пароходом «Чулым» на барже в Кондинский и Самаровский¹³ районы прибыли 261 семья, 923 человека [Мошкин 2008, 46]. Из них отправлены в Кондинский район 27 семей (84 человека), остальные 234 семьи (812 человек) были расквартированы в Самаровском районе в бараках лесозаготовительных пунктов. Во время транспортировки умерло 18 человек [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 24. Л. 44]. Таким образом, точно установлена транспортировка 2 423 человек.

Размещались прибывшие люди в бараках, землянках и у местных жителей. В дом, как правило, не пускали. Могли жить в старой бане, которая не использовалась хозяевами по назначению, в сарае. Например, в одной из деревень две семьи «проживали» на скотном дворе у местного жителя вместе с его коровой [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 23].

Спецпереселенцев, размещенных в Кондинском районе (Павинский и Левинский спецучастки), предполагалось привлечь к работам в рамках сельскохозяйственной колонизации [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 5]. В этом состояло отличие второго этапа ссылки от первого (тогда «кулаков» распределили только в рыбную и лесную отрасли хозяйства). Всего в Кондинском районе в шести спецпоселках было учтено 2 269 человек¹⁴ (данные на конец августа 1931 г.) [ГАСПИТО. Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86. Л. 7]. Однако обнаруженный план Полномочного представительства по Уралу ОГПУ при СНК СССР (ПП ОГПУ по Уралу), направленный в Главное управление лагерей, предусматривал для Кондинского района 1 500 семей, 6 333 человека [ГАСО. Ф. Р–339. Оп. 3. Д. 45. Л. 6 об.]. В этом же документе сообщалось, что занято в сельском хозяйстве спецпереселенцев (сведения на 1 сентября 1931 г.) 738 семей, 1 996 человек [ГАСО. Ф. Р–339. Оп. 3. Д. 45. Л. 29].

Как удалось установить, в июне завезли в регион 200 семейств, в августе 1931 г. пароходом «Чулым» в Остяко-Вогульский округ доставили 632 семейства. Всего же летом 1931 г. было отправлено не более 12 тыс. человек (власть тяготела к округлению цифр – данных статистики), а прямые подсчеты позволили установить численность 11 847 человек. В плане занятости в народном хозяйстве завезенные спецпереселенцы распределялись так: 5 тыс. человек – в рыбной промышленности, 3 362 человек – в сельскохозяйственной колонизации (и других организациях), 3 485 человек – в лесном хозяйстве.

Общая численность спецпереселенцев к концу 1931 г.

За ссылку отвечали комендантские отделения при исполкомах советов. Осложняет процесс выявления численности спецпереселенцев не только полная неразбериха в учете, который вели спецорганы, но и то обстоятельство, что с 1 июня 1931 г. все управленческие структуры Тобольского округа были ликвидированы. Начинали свою работу новые органы власти в создаваемых администрациях национальных округов (оргбюро) [ГАСО. Ф. Р–1517. Оп. 1. Д. 318. Л. 47]. Однако исполкомы не справлялись с грузом проблем спецссылки, а хозяйственные ор-

¹² Село Леуши располагалось на левом берегу системы озер, называемых Туманами (Сатыгинский Туман, Среднесатыгинский Туман, Леушинский Туман).

¹³ От Тюмени до Остяко-Вогульска расстояние по рекам составляло 440 км (Тура, Тобол, Иртыш) [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523. Л. 89]. Расстояние от Остяко-Вогульска по Иртышу и Оби: до Леушей – 205 км, до Нахрачей – 387 км, до Сургута – 402 км, до Березова – 568 км.

¹⁴ Прибывшие в 1931 г. спецпереселенцы успели до заморозков вручную раскорчевать, вспахать и посеять 160 га озимой ржи [ГАСО. Ф. Р–339. Оп. 3. Д. 45. Л. 1].

ганизации плохо занимались устройством спецпереселенцев и их использованием на производстве. В этой связи постановлением Политбюро от 20 мая 1931 г. вся полнота власти над спецпереселенцами передавалась ОГПУ [Политбюро ... 2005, 305–310].

Ранее нами установлено, что в 1930 г. на Север было отправлено 34 452 человека. Население Остяко-Вогульского округа составляло в конце 1930 г. 64 483 человека (29 000 – спецпереселенцы), а Ямало-Ненецкого – 23 000 (5 305 – спецпереселенцы). Общая численность спецпереселенцев по двум округам к концу 1930 г. составила 34 305 человек [Алексеева 2020, 246]. В результате завоза в навигацию 1931 г. (11 847 человек) произошло увеличение численности спецпереселенцев в регионе, но ситуация по округам была неодинаковая. На 1 октября 1931 г. численность спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе составила 39 198 человек, а в Ямало-Ненецком – 3 687 человек.

В конце 1931 г. в Остяко-Вогульском округе было учтено 77 тыс. человек (по данным «Обзора состояния Ханты-Мансийского национального округа за 1930–1940 гг.») [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523. Л. 28]. На 1 октября 1931 г. по районам округа спецпереселенцы распределялись следующим образом: Самаровский – 14 228, Березовский – 10 987, Сургутский – 10 831, Кондинский – 3 159 (всего 39 198 человек, т.е. более 50% от численности населения округа) [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 51. Л. 79]. Общее число рабочей силы, занятой в Остяко-Вогульском округе в 1931 г., составило: ЛПХ – 2 800, Рыбтрест – 8 800, сельское хозяйство – 1 500 (всего 13 100 человек) [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 28. Л. 49]. Мы видим, что две трети ссыльных составляли нетрудоспособные, поэтому увеличивалась демографическая нагрузка на систему продовольственного обеспечения и становилась очевидной для ее организаторов проблема неэффективности ссылки.

Численность спецпереселенцев на Ямале в 1931 г. уменьшилась. Здесь насчитывалось 611 семей или 3 110 чел., которые были расселены в 11 пунктах [Михалев 2011, 277]. По данным на 6 сентября 1931 г., в Обдорском районе в системе Рыбтреста числилось 572 семьи (Мошкин 2008, 106). Как следует из докладной записки Самсонова, уполномоченного Союзрыбы, основывавшегося на материалах И. Новикова (Уралгосрыбтрест), точное количество спецпереселенцев было неизвестно в тресте. Данные, которыми они располагали, таковы: осталось 3 603 семьи, из них 364 семьи работали на Ямале [ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 28. Л. 66 об.]. В лесной промышленности Обдорского района насчитывалось на 6 сентября 1931 г. 73 семьи (Мошкин 2008, 111). По данным на 1 октября 1931 г., общая численность спецпереселенцев в этом округе составила 3 687 человек [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 51. Л. 79]. Увеличение произошло за счет тех 100 семей, о которых писал Н. А. Михалев. Все население Ямало-Ненецкого округа в 1931 г. составляло 23 400 человек [ГАСПИТО. Ф. П–124. Оп. 1. Д. 77. Л. 1]. Следовательно, спецпереселенцы на Ямале составляли 15% от общей численности населения этого округа.

Выводы

Рассмотрение дискуссионных и малоизученных вопросов, касающихся уточнения этапов крестьянской ссылки на Север Западной Сибири, планов выселения и численности отправленных в ссылку крестьян, а также прибывших к месту спецпоселения, позволило сделать следующие выводы:

1. Второй этап крестьянской ссылки на Север – лето 1931 г. Транспортировка «кулаков» в 1931 г. к месту ссылки осуществлялась только в навигацию. В этом отличие от первого этапа крестьянской ссылки, когда людей отправили в ссылку в феврале 1930 г.

2. Документы, имеющиеся в распоряжении на данный момент, не содержат абсолютно точных сведений о количестве спецпереселенцев второго этапа крестьянской ссылки. Статистика рассредоточена по разным системам учета: ОГПУ, хозяйственные организации, органы партийной и советской власти. Мы подсчитали, что в 1931 г. было отправлено 11 847 человек. Общее число спецпереселенцев по двум национальным округам (сосланных в 1930–1931 гг.) составило 46 299.

3. Спецпереселенцы завоза 1931 г. направлялись в первую очередь на работу в Рыбтрест – 50%. Другая половина распределялась примерно поровну между лесным и сельским хозяйством. Они размещались преимущественно в районах Остяко-Вогульского округа.

4. Нехватка продовольственных ресурсов в рамках централизованного снабжения заставила органы власти предпринять попытку развития сельского хозяйства в регионе, неблагоприятном для земледелия. В связи с этим Кондинский район стал первым на Севере Западной Сибири, предназначавшимся под сельскохозяйственную колонизацию.

5. Сопоставление данных и прямые подсчеты позволили уточнить количество ссыльных второго этапа крестьянской ссылки. На Север Западной Сибири летом 1931 г. отправили не более 12 тыс. человек. Следовательно, вывод, которого ранее придерживались ученые, что в 1931 г. сослали больше, чем в 1930 г., правилен для Уральской области в целом, но не для исследуемого региона.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Алексеева Л. В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917–1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. 385 с.

Алексеева Л. В. О роли раскулаченных крестьян в сельскохозяйственном освоении Северо-Западной Сибири // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы междунауч. конф. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 248–254.

Алексеева Л. В. Начало «кулацкой ссылки» на Тобольский север (1930) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 238–252.

Базаров А. А. Дурелом, или господа колхозники. Курган: Зауралье, 1997. Кн.1. 413 с.

Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. Москва: РОССПЭН, 2010. 333 с.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–339. Оп. 3. Д. 45.

ГАСО. Ф. Р–1517. Оп. 1. Д. 318.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П–93. Оп. 1. Д. 86.

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 24.

ГАСПИТО. Ф. П–107. Оп. 1. Д. 523.

ГАСПИТО. Ф. П–124. Оп. 1. Д. 77.

Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГЯЯНАО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 36.

Грациози А. Сталин, крестьянство и государственный социализм: эволюция взаимоотношений, 1927–1951 гг. // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы междунауч. конф. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 12–32.

Загороднюк Н. И. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 34–35.

Загороднюк Н. И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929–1940 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. 21 с.

Загороднюк Н. И. «Опальная Югра» // Родина. 2005. № 12. С. 22–26.

Закирова Е. Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в. // Вестник угроведения. 2015. № 3 (22). С. 52–57.

Иваненко А. Хлебопашество на земле Югорской // Югра. 1993. № 3. С. 18–21.

Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.intelros.ru/pdf/veck%20globalizastii/2015_1/3.pdf (11.03.2020).

История ссылки и спецпереселений в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. 1920–1950-е гг. Виртуальный музей [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://hesr.ugramuseum.ru> (11.03.2020).

Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (КУ «ГАЮ»). Ф. 156. Оп. 1. Д. 12.

КУ «ГАЮ». Ф. 58. Оп. 1. Д. 1.

КУ «ГАЮ». Ф. 58. Оп. 1. Д. 2.

Кондрашова Л. Н. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. // Югра. 1994. № 2. С. 36–40.

Крестьянская ссылка. Электронный архив «Ссылный край Сургут» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ssylka.skmuseum.ru/krestyanskaya-ssylka> (20.03.2020).

Михалев Н. А. Спецпереселенцы на Ямале в 1930-е гг. // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы межд. науч. конф. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 275–282.

Мошкин В. В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). Нижневартовск: НГГУ, 2008. 189 с.

Плотников И. Е. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е гг. Документы из архивов // Отечественная история. 1995. № 1. С. 160–179.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 / сост. В. П. Данилов, Л. Виола, С. А. Красильников / отв. ред. Н. Н. Покровский. Москва: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 912 с. Кн. 2. 1120 с.

Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда: газета. 1988. 14 декабря.

Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) / сост. Т. И. Славко, А. Э. Бедель. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 136 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 52, 54.

Система спецпоселений в Ханты-Мансийском автономном округе в 1930–1940-е гг. Сургутский краеведческий музей [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://memorymuseums.ru/wp-content/uploads/2017/09/Sistema-spetsposelenii-_Surgutskii-kravedcheskii-.pdf (20.03.2020).

Скупина И. В., Чекрыгина Е. А. Документы 1930-х гг. о спецпереселенцах на Обском Севере в фондах Государственного архива Тюменской области // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 33–37.

Филатов В. В. Уральское село, 1927–1941: раскрестьянивание. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. 333 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Москва: РОССПЭН, 2001. 422 с.

Харина Н. С. Социальные аспекты хозяйственно-бытовой жизни спецпереселенцев на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5 (2). С. 157–164.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 51.

Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-famine. Oxford University Press, 1987. 430 p.

Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. Oxford University Press, 1996. 386 p.

Graziosi A. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants. 1917–1933. Harvard University, 1996. 147 p.

Viola L. The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford University Press, 2009. 320 p.

Поступила в редакцию 20.01.2021

Алексеева Любовь Васильевна,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»,
628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56,
e-mail: lvalexeeva@mail.ru

L. V. Alekseeva

SECOND STAGE OF PEASANT EXILE TO THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (1931): LITTLE-STUDIED AND DEBATABLE ISSUES

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-304-315

Researchers identify three stages in the organization of forced migrations of peasants and their families in the early 1930s to the North of Western Siberia. This was due to mass dekulakization in the USSR. Previous

studies often contain contradictory and incomplete data. These relate to the chronology stages and number of peasants. The article is a continuation of the research topic. This is a clarification of the stages of the “kulak” exile and the number of peasants sent to the North. This is the territory of the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous districts today. In the study of the beginning of the stage (1930), we have clarity. We do not have complete data about the second stage. These are questions such as the time of sending special settlers, transportation, the number of exiles. We want to clarify which organizations they were sent to work for. We do not have precise data on the geography of settlement. We do not know the total number of special settlers by the end of 1931 in the national districts. The researchers did not provide data on demographic losses. The article examines the little-studied and debatable issues of the second stage of peasant exile based on available research and available sources. It is considered on the materials of the Ostyako-Vogul and Yamalo-Nenets districts (1931). The author finds out the chronological boundaries of the methods of transporting peasants in the summer of 1931. The article provides reasonable data on the number of sent special settlers (1930–1931). The researcher shows the placement areas. The article examines the actual presence of a special population in the national districts by the end of 1931.

Keywords: Ural region, North of Western Siberia, national districts, stage, peasants, “kulaks”, special settlers, number, transportation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 2, pp. 304–315. In Russian.

REFERENCES

Alekseeva L. V. *Ehkonomicheskoe razvitie Ob'-Irtyskogo Severa v 1917–1941 gg.: Transformatsiya khozyaistvennogo uklada* [Economic Development of the Ob-Irtysk North in 1917–1941: Transformation of the Economic Structure]. Yekaterinburg: IHAUB RAS, 2003. 385 p. In Russian.

Alekseeva L. V. *O roli raskulachennykh krest'yan v sel'skokhozyaistvennom osvoenii Severo-Zapadnoi Sibiri* [On the Role of Dispossessed Peasants in the Agricultural Development of North-West Siberia]. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'. Materialy mezhd. nauch. konf.* [History of Stalinism: Peasantry and Power. Materials of the Conference]. Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 248–254. In Russian.

Alekseeva L. V. *Nachalo “kulatskoi ssylki” na Tobol'skii sever (1930)* [The Beginning of the “Kulak Exile” to the Tobolsk North (1930)]. *Nauchnyi dialog.* [Scientific Dialogue]. 2020, no. 4, pp. 238–252. In Russian.

Bazarov A. A. *Durelom, ili gospoda kolhozniki* [Meaninglessness, or the Gentlemen Farmers]. Kurgan: Zauralje, 1997, vol.1. 413 p. In Russian.

Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine.* Oxford University Press, 1987. 430 p. In English.

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO). F. R–339. Op. 3. D. 45. In Russian.

GASO. F. R–1517. Op. 1. D. 318. In Russian.

Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tyumenskoi oblasti [State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region] (GASPITO). F. P–93. Op. 1. D. 86. In Russian.

GASPITO. F. P–107. Op. 1. D. 24. In Russian.

GASPITO. F. P–107. Op. 1. D. 523. In Russian.

GASPITO. F. P–124. Op. 1. D. 77. In Russian.

Gosudarstvennyi arkhiv Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [State Archive of the Yamalo-Nenets Autonomous District] (GAYaNAO). F. 3. Op. 1. D. 36. In Russian.

Graciosi A. *Stalin, krest'yanstvo i gosudarstvennyi sotsializm: ehvolyutsiya vzaimootnoshenii, 1927–1951 gg.* [Stalin, the Peasantry and State Socialism: The Evolution of Relations, 1927–1951]. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'. Materialy mezhd. nauch. konf.* [History of Stalinism: Peasantry and Power. Materials of the Conference]. Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 12–32. In Russian.

Graziosi A. *The Great Soviet Peasant war. Bolsheviks and Peasants. 1917–1933.* Harvard University, 1996. 147 p. In English.

Ivanenko A. *Khlebopashestvo na zemle Yugorskoi* [Grain Farming on the Land of Yugra]. *Yugra* [Yugra]. 1993, no 3, pp. 18–21. In Russian.

Ivaxnyuk I. V. *Razvitie migratsionnoi teorii v usloviyakh globalizatsii* [Development of Migration Theory in the Context of Globalization]. *Vek globalizatsii* [The Age of Globalization]. 2015, no 1, pp. 36–51. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Vek%20globalizatsii/2015_1/3.pdf (11.03.2020). In Russian.

Istoriya ssylki i spetspereselenii v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge-Yugre. 1920–1950-e gg. [History of Exile and Special Settlements in the Khanty-Mansi Autonomous Region-Ugra. 1920–1950s]. URL: <http://hesr.ugramuseum.ru> (11.03.2020).

Kazennoe uchrezhdenie “Gosudarstvennyi arkhiv Yugry” (KU “GAYu”) [State Institution “State Archive of Yugra”] (KU “GAYu”). F. 156. Op. 1. D. 12. In Russian.

KU “GAYu”. F. 58. Op. 1. D. 1. In Russian.

KU “GAYu”. F. 58. Op. 1. D. 2. In Russian.

Kondrashova L. N. *Krest'yanskaya ssylka v Ostyako-Vogul'skom okruge v 1930-e gg.* [Peasant Exile in the Ostyako-Vogul District in the 1930s]. *Yugra* [Yugra]. 1994, no 2, pp. 36–40. In Russian.

Krest'yanskaya ssylka. Ehlektronnyi arkhiv “Ssyl'nyi krai Surgut” [The Peasant Exile. Electronic Archive “Exiled Region Surgut”]. URL: <http://ssylka.skmuseum.ru/krestyanskaya-ssylka> (20.03.2020). In Russian.

Mixalev N. A. *Spetspereselentsy na Yamale v 1930-e gg.* [The Settlers on the Yamal in the 1930s]. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast'. Materialy mezhd. nauch. konf.* [History of Stalinism: Peasantry and Power. Materials of the Conference]. Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 275–282. In Russian.

Moshkin V. V. *Ssylka krest'yan na Sever v 1930–1933 gg. (na materialakh Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga).* [The Exile of Peasants to the North in 1930–1933 (Based on the Materials of the Khanty-Mansiysk Autonomous District)]. Nizhnevartovsk: NHSU, 2008. 189 p. In Russian.

Plotnikov I. E. *Ssylka krest'yan na Ural v 1930-e gg. Dokumenty iz arkhivov* [The Exile of Peasants to the Urals in the 1930s. Documents from the Archives]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1995, no 1, pp. 160–179. In Russian.

Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940 [The Politburo and the Peasantry: Deportation, Banishment. 1930–1940]. Moscow: ROSSPEN, 2005, vol. 1. 912 p.; vol. 2. 1120 p. In Russian.

Pribylskii Yu. *Spetspereselentsy* [The Settlers]. *Tyumenskaya pravda: gazeta. 1988. 14 dekabrya* [The Tyumen Truth: newspaper. 1988. December 14]. In Russian.

Raskulachennyye spetspereselentsy na Urale (1930–1936 gg.) [The Dispossessed Special Settlers in the Urals (1930–1936 years)]. Yekaterinburg: “Science”, 1993. 136 p. In Russian.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History. (RGASPI). F. 17. Op. 162. L. 10.

Sistema spetsposelenii v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge v 1930-1940-e gg. Surgutskii kraevedcheskii muzei [The System of Special Settlements in the Khanty-Mansiysk Autonomous District in the 1930s and 1940s. Surgut Museum of Local History]. URL: http://memorymuseums.ru/wpcontent/uploads/2017/09/Sistema-spetsposelenii-_Surgutskii-kraevedcheskii-.pdf (20.03.2020). In Russian.

Skipina I. V., Chekrygina E. A. *Dokumenty 1930-kh gg. o spetspereselentsakh na Obskom Severe v fondakh Gosudarstvennogo arkhiva Tyumenskoi oblasti* [Documents of the 1930s about Special Settlers in the Ob North in the Funds of the State Archive of the Tyumen Region]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the KSU Named after N. A. Nekrasov]. 2015, no 6, pp. 33–37. In Russian.

Filatov V. V. *Ural'skoe selo, 1927–1941: raskrest'yanivanie* [Ural Village, 1927-1941: The Peasantry]. Magnitogorsk: SEO HPE «MSTU», 2010. 333 p. In Russian.

Ficzpatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: Village]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 422 p. In Russian.

Xarina N. S. *Sotsial'nye aspekty khozyaistvenno-bytovoï zhizni spetspereselentsev na territorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugra* [Social Aspects of Economic and Household Life of Special Settlers on the Territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous District-Yugra]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Thought]. 2018, vol.10, no 5 (2), pp. 157–164. In Russian.

Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TSDOOSO) [Center for Documentation of Public Organizations in the Sverdlovsk Region] (CDOOSR). F. 4. Op. 9. D. 51. In Russian.

Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. Oxford University Press, 1996. 386 p. In English.

Viola L. *The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford University Press, 2009. 320 p. In English.

Viola L. *Krest'yanskii GULAG: mir stalinskikh spetsposelenii* [The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlements]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 333 p. In Russian.

Zagorodnyuk N. I. *Rol' spetspereselentsev na Obskom Severe* [The Role of Special Settlers in the Ob North]. *Yugra* [Yugra]. 1996, no 10, pp. 34–35. In Russian.

Zagorodnyuk N. I. *Sylka krest'yan v Severo-Zapadnyu Sibir' (1929–1940 gg.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Exile of Peasants to North-Western Siberia (1929–1940): Abstract of the PHD (hist.)]. Omsk, 1999. 21 p. In Russian.

Zagorodnyuk N. I. “*Opal'naya Yugra*” [“Disgraced Yugra”]. *Rodina* [Motherland]. 2005, no 12, pp. 22–26. In Russian.

Zakirova E. N. *Spetspereselentsy v Ostyako-Vogul'skom (Khanty-Mansiiskom) natsional'nom okruge v nachale 30-kh gg. XX v.* [Special Settlers in the Ostyako-Vogul (Khanty-Mansiysk) National District in the Early 30s of the XX Century]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2015, no 3 (22), pp. 52–57. In Russian.

Received 20.01.2021

Alekseyeva Lyubov Vasilyevna,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nizhneartovsk State University, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra,
56, Lenin Str., Nizhneartovsk, 628605, Russian Federation,
e-mail: lvalexeeva@mail.ru